

Н.Н. Наседкин

Павлищев

ПАВЛИЩЕВ Николай Андреевич — персонаж романа Ф.М. Достоевского «Идиот», помещик, камергер; опекун князя Мышкина. Со слов Лебедева, это «был человек почтенный и при связях, и четыре тысячи душ в свое время имели-с...» Мышкин рассказывает о нем генералу Епанчину. «Почему Павлищев интересовался его воспитанием, князь и сам не мог объяснить, — впрочем, просто, может быть, по старой дружбе с покойным отцом его. Остался князь после родителей еще малым ребенком, всю жизнь проживал и рос по деревням, так как и здоровье его требовало сельского воздуха. Павлищев доверил его каким-то старым помещицам, своим родственницам; для него нанималась сначала гувернантка, потом гувернер <...>. Он рассказал, наконец, что Павлищев встретился однажды в Берлине с профессором Шнейдером, швейцарцем, который занимается именно этими болезнями, имеет заведение в Швейцарии...»

Когда Келлер, выступая в поддержку «сына» Павлищева Бурдовского, выливает ушат грязи на покойного в своей «юмористической» статье «Пролетарии и отпрыски, эпизод из дневных и вседневных грабежей! Прогресс! Реформа! Справедливость!», Мышкин горячо опровергает: «...вы называете этого благороднейшего человека сладострастным и легкомысленным так смело, так положительно, как будто вы и в самом деле говорите правду, а между тем это был самый целомудренный человек, какие были на свете! Это был даже замечательный ученый; он был корреспондентом многих уважаемых людей в науке и много денег в помощь науки употребил...» Затем из сообщения Гани Иволгина становится известно, что Павлищев в молодости бескорыстно помогал и сестре дворовой девушки, которую любил (она умерла) и которая, выйдя впоследствии за чиновника Бурдовского, родила сына, которого Павлищев также не оставил без попечения, из-за чего и родилась у того вздорная идея, будто он незаконнорожденный сын благодетеля, и он начал претендовать, дабы князь Мышкин поделил с ним наследство...

На званном вечере в доме Епанчиных князь Мышкин от родственника Павлищева, некоего Ивана Петровича, узнает, что тот перед смертью перешел в католичество, стал иезуитом. Это известие как громом поражает князя, и в его уста вкладывает Достоевский чрезвычайно важные для себя рассуждения по теме, которая будет затем вновь и вновь подниматься и развиваться им в «Дневнике писателя», романах «Подросток» и «Братья Карамазовы» (поэма «Великий инквизитор»; суждения отца Паисия): «— Павлищев был светлый ум и христианин, истинный христианин, — произнес вдруг князь, — как же мог он подчиниться вере... нехристианской?.. Католичество — все равно что вера нехристианская! — прибавил он вдруг, засверкав глазами и смотря перед собой, как-то вообще обводя глазами всех вместе. <...> — Нехристианская вера, во-первых! <...> а во-вторых, католичество римское даже хуже самого атеизма, таково мое мнение. Да! таково мое мнение! Атеизм только проповедует нуль, а католицизм идет дальше: он искаженного Христа проповедует, им же оболганного и поруганного, Христа противоположного! Он антихриста проповедует, клянусь вам, уверяю вас! Это мое личное и давнишнее убеждение, и оно меня самого измучило... Римский католицизм верует, что без всемирной государственной власти церковь не устоит на земле <...> По-моему, римский католицизм даже и не вера, а решительно продолжение Западной Римской империи, и в нем все подчинено этой мысли, начиная с веры. Папа захватил землю, земной престол и взял меч; с тех пор все так и идет, только к мечу прибавили ложь, пронырство, обман, фанатизм, суеверие, злодейство, играли самыми святыми, правдивыми, простодушными, пламенными чувствами народа, все, все променяли за деньги, за низкую земную власть. И это не учение антихристово?! Как же было не выйти от них атеизму? Атеизм от них вышел, из самого Римского католичества! Атеизм, прежде всего, с них самих начался: могли ли веровать себе

сами? Он укрепился из отвращения к ним; он порождение их лжи и бессилия духовного! Атеизм! у нас не веруют еще только сословия исключительные, как великолепно выразился наемный Евгений Павлович, корень потерявшие; а там уже страшные массы самого народа начинают не верить, — прежде от тьмы и от лжи, а теперь уже из фанатизма, из ненависти к церкви и ко христианству!..» В конце концов князь, произнося свою горячую филиппику против католицизма, так воодушевился, возбудился, что все закончилось с его стороны разбиением драгоценной вазы, а затем и эпилептическим припадком.